

Даниил Хармс в американских переводах

© 2022 Андрей Устинов

Daniil Kharms in American Translations

© 2022 Andrei Ustinov

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2022_3_257_285

Информация об авторе: Андрей Борисович Устинов, PhD, главный редактор издательства «Аквилон», Сан-Франциско. E-mail: abooks@gmail.com.

Ключевые слова: Даниил Хармс, переводы литературные, Самуил Маршак, Л. Пантелеев, советская детская литература, поэзия для детей.

Аннотация: Статья посвящена участию Даниила Хармса в несостоявшейся антологии новой советской литературы для детей. Это издание, задуманное переводчицей Лидией Надежиной, должно было также включать произведения С. Маршака, А. Введенского, В. Бианки, К. Чуковского. Однако, ни антология, ни другие ее переводческие проекта начала 1930-х гг. не осуществились из-за закрытия нью-йоркского издательства «Джонатан Кэйп». В приложении публикуются две «вещи» Хармса для детей в переводах Надежиной.

Information about the author: Andrei Ustinov, PhD, Director of “Aquilon” Books & Publishing, San Francisco, USA. E-mail: abooks@gmail.com.

Keywords: Daniil Kharms, literary translations, Samuil Marshak, L. Panteleev, Soviet children’s literature, poetry for children.

Abstract: The essay reconstructs the participation of Daniil Kharms in the Anthology of new Soviet literature for children. This edition, conceived by the translator Lydia Nadezhina, was also to include works by Samuil Marshak, Aleksandr Vvedensky, Vitalii Bianki, Kornei Chukovsky. However, her anthology was never published due to the closure of the “Jonathan Cape” publishing house. Two of Kharms’ works for children in Nadezhina’s translations are published here.

Принятые сокращения

- Дневниковые записи – Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского. <Вступ. ст. и коммент. А. Устинова> // Минувшее: Исторический альманах. 11. Paris, 1991. С. 417–583.
- ЗК – Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В.Н. Сажина. Вступ. ст. и примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2002.

Ссылки на «Полное собрание сочинений» Д. Хармса (в 4 т. СПб.: Академический проект, 1997–2001) даются с указанием тома (римскими цифрами) и страниц.

Памяти Елены Владимировны Душечкиной

Представляемые здесь переводы двух замечательных произведений Даниила Хармса были выполнены Лидией Надежиной (1896–1977), той самой его «знакомой», о которой он под давлением вспомнил на первом допросе 11 декабря 1931 года после неожиданного ареста по «Делу № 4246-31 г.»¹, более известного как «Дело Детского сектора Госиздата»². В ответ на вопрос № 7 стандартной анкеты ОГПУ «Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, занятия до революции и последнее время)» Хармс, явно в состоянии стресса, сообщает избыточные для протокола сведения: «– отец – Иван Павлович, сестра – Елизавета Ивановна Грицина. За границей у меня знакомая Надежда Александровна Надеждина <sic!> – редактор русских газет, с которой я переписываюсь»³. Отмеченную здесь ошибку допускает в протоколе, видимо, не сам допрашиваемый, а следователь, который записывает правильную фамилию *Надеждина* по аналогии с ее именем, данным Хармсом намеренно неверно: «Надежда» вместо «Лидии»⁴.

¹ Следственное дело № 4246-31 г. 1931–1932 годы / Публ. Н. Кавина. Подг. текстов и прим. В. Сажина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 519.

² См.: Устинов А.Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г.А. Морева. Ленинград, 1990. С. 125–136.

³ Следственное дело № 4246-31 г. С. 524.

⁴ В его записной книжке № 17, начатой весной 1929 г., инициалы Надежиной записаны без ошибки: «*Суббота 4 мая*. В 1–2 дня зайдет Бахта <т. е. Игорь Бахтерев. – А. У.>. Позвонить Л.А. Надеждиной <sic!>» (ЗК. Кн. 1: 286). Я признателен Жан-Филиппу Жаккару за копии страниц из записных книжек Хармса.

Краткую биографию Надежиной представил в своей публикации, основанной на материалах ее архива в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, Жорж Шерон:

До революции она занималась живописью у известного художника Бориса Григорьева. Революция застала ее в Риме, где она училась в университете. Переехав в Нью-Йорк в 1920 году, Лидия Александровна вышла замуж за Д.З. Крынкина (1889–1959) – сотрудника эмигрантской газеты «Русский голос». В 1929 году в жизни Лидии Александровны произошло важное событие: видный этнограф, профессор В.Г. Тан-Богораз (1865–1936) пригласил ее на годовую стажировку в Ленинградский университет. Будучи в Ленинграде, Надежина помогала Тану-Богоразу организовать при Академии наук Музей истории религии; некоторое время она провела в Москве, где работала с реставратором икон А.И. Анисимовым (1877–1937) в Центральных государственных реставрационных мастерских. Работа Надежиной получила высокую оценку: секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург предложил ей постоянное место в Музее истории религии, однако Надежина предпочла вернуться в Америку, где до самой смерти продолжала читать курс по древнерусской живописи в разных университетах¹.

На самом деле, когда Надежина оказалась летом 1929 года в Ленинграде, как свидетельствует мандат № 6-2084, выданный ей 20 июня местным представительством Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС):

Американская журналистка Лидия Александровна КРЫНКИНА-НАДЕЖИНА прибыла в СССР для всестороннего изучения наших культурных и социальных достижений.

В виду того, что гр-ка Надежина намеревается посвятить ряд статей современной жизни СССР, мы просим все организации и учреждения не отказать в любезности ознакомить ее с интересующими вопросами.

Конст<антин> Державин.

Уполномоч<енный> ВОКС в Ленинграде², –

¹ Похороны Фёдора Сологуба: Неизвестное письмо очевидца / Публ., пред. и прим. Ж. Шерона // Русская литература. 2007. № 2. С. 84.

² Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Lydia Nadejena Papers. Box 5.

она познакомилась с сотрудниками «Детского сектора Госиздата» – писателями, поэтами и издательскими работниками – теми, кто составит, как это назовут позже, «маршаковскую редакцию» Детгиза. Видимо, как раз тогда в разговорах с ее бессменным руководителем Самуилом Маршаком, в первую очередь уделявшим внимание своим авторам и художникам, и родился замысел издания *Антологии новой детской литературы*, целиком состоящей из произведений современных советских писателей и поэтов, целенаправленно созданных ими для детей.

Именно об этом идет речь в письме Надежиной к Маршаку, написанном в самом конце 1931 года с более, чем годовым промедлением со времени ее возвращения в Америку. Если это письмо, копия которого сохранилась в архиве Надежиной в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне¹, дошло до адресата, оно наверняка стало известно Хармсу вскоре после его выхода из заключения 17 июня 1932 года². Приводим его с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации:

¹ Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Lydia Nadejena Papers; далее везде указывается как *Lydia Nadejena Papers* с номером коробки (Box).

² См. в «Хронике жизни и творчества Даниила Хармса» А.В. Крусанова:

1932

<...>

23 мая. Заседание Коллегии ОГПУ постановило: «Хармса досрочно освободить, лишив права проживания в 12 п. Уральской области на оставшийся срок».

17 июня. Вышел из заключения...

<...>

13 июля. Хармс и Введенский отправились в ссылку в Курск (на 4 месяца). Жили по адресу: ул. Первышевская, 16. На протяжении ссылки Хармс страдает мнительностью, постоянно жалуется на здоровье, подозревает то плеврит, то туберкулез...

<...>

12 октября. Хармс возвратился из ссылки в Ленинград.

(*Хармс Д.* Случай и вещи / Сост. и прим. А. Дмитренко и В. Эрля. Подг. текстов В. Эрля. СПб., 2003. С. 452, 454, 457).

Мнительное подозрение на туберкулез, вероятно, было связано у Хармса с неожиданной смертью Юрия Владимировича 4 октября 1931 года (см.: Дневниковые записи: 542–543). Неслучайно, что едва выйдя из заключения, он посещает 23 июня его мать, Л.П. Брюллову (1886–1954). Как вспоминал Пантелеев, «На панихиду <по Ю. Владимирову. – А. У.> Хармс не пришел. Меня это страшно удивило. И, помню, при встрече я спросил у него (помню, что был этот разговор на Николаевском мосту), почему он не пришел. И, помню, он ответил: – Я никогда никого не провожаю» (Дневниковые записи: 546).

Дорогой Самуил Яковлевич!

Как Вы поживаете и все близкие и милые Ваши Софья Михайловна и ребята?

В жизни – тоже ритмы отливов и приливов, и человек подобен отцепившемуся плоту в затоне, когда на убыли живые воды, несущие его жизнь. Пустынен мир тогда; но придет разлив и вынесет, и снова узнаешь движенье и радость пути.

Писала Вам прошлой осенью. Была больна. Грустно было. А теперь иначе пишу. Хочу верить, что могу принести Вам радость. Легко и просто, и движенье моих дней теперь в этой вере.

На днях зашел к нам захавший из Калифорнии доцент русского происхождения, а я после дня работы над Вашей «Почтой» и «Игрой» Даниила Ивановича чувствовала бодрость и освежающее дыхание удивительного ритма; весь вечер занимала его Вашим творчеством. Не знал он, что есть живая, детская литература. Давид Захарович <Крынкин. – А.У.> – прекрасный чтец – читал ему Ваши «Днепрострой», «Почту» и вот сегодня, несколько дней спустя, – письмо от моей подруги, что «сказки», мною посланные издательству прошлой осенью, близки к возможности издания, и тут же скоро, по телефону, данному члену издательства Обществом Культурной Связи и Амкнигой – запрос ко мне: – что я делаю, какие вещи и кого предлагаю. Я сказала о Вас, Данииле Ивановиче и еще кое о ком.

Теперь так: хочу предложить отдельную книгу Ваших детских книг. Представленный мной давно проект американским издателям об издании книги под общим заголовком – «Старая и Новая Детская Книга», – серьезно рассматривается издателями теперь. Должны войти (по моему предложению): Пушкин, Сологуб, Толстой, Народные Сказки, а затем Ваши произведения и подбор других современных произведений в области детской литературы <Советского> Союза.

Провела я Новый Год с проф. Дюи и его семьей. Они чрезвычайно внимательны к моим начинаниям и готовы проявить участие «в любой необходимой мне форме». Безо всякой, конечно, платы. Профессор Дюи напишет предисловие к книге Белых–Пантелеева <т. е. «Республике Шкид». – А.У.> после заключения контракта издателем со мной, что в ближайшем будущем будет сделано. Хлопочу о более приличных, достойных и выгодных для авторов условиях¹. Праздники задерживают.

¹ Перевод Надежиной этой повести Л. Пантелеева и Г. Белых на английский язык под заглавием “The Republic of Vagabonds” был принят к печати в 1932 г. нью-йоркским издательством “Jonathan Cape”, но так и не вышел в свет. См. список ее переводов в биографических материалах: Lydia Nadejena Papers. Box 1.

Дорогой Самуил Яковлевич, я знаю, как сильно Вы заняты; тем не менее прошу ответить мне на это письмо, не откладывая на долго. Напишите, в какой мере Вы бы готовы были участвовать в американском издании Детской Книги: предисловие, подбор?... и приложите, пожалуйста, доверенность мне и полномочие, как Вашему представителю в Штатах, вести переговоры с местными издателями и выработать с ними условия, о которых, разумеется, Вы будете осведомлены, в свою очередь, полностью.

Повторяю: в настоящее время я предложила американским издателям следующие виды изданий: 1) Старая и Новая Детская Книга (Пушкин, Толстой, Сологуб, Блок, Народные Сказки и т. д., и Современники – Вы и др.), затем 2) Ваше – в совершенно отдельной книге¹, и 3) Только Современники.

На чем останутся американские издатели и в каком виде они решат издавать, – это скоро выяснится. Что Вы лично думаете о предложенной мной классификации, и если издатели решат в пользу сборника, то кого бы Вы порекомендовали, кого бы ввели? Я, с<о> своей стороны, с любовью и преданностью к Вашему творчеству и интересам, возьму на себя завершение начатого дела. Теперь здесь – верный психологический момент и его нельзя ни в коем случае упускать. Вообще же здесь паника в издательском деле в связи с общей «депрессией».

Немало здесь за последнее время появилось «спекулянтов» на основе незащищенности Советских авторов в виду отсутствия договора об авторских правах между Штатами и Союзом. Выход из этого положения один: Сов<етские> авторы должны иметь своих личных представителей и уполномоченных в Соед<иненных> Штатах, тогда их права защищены в пределах американского закона. У М. Горького имеется такой представитель; доверенность от Лёни <Пантелеева. – А.У.> дает мне возможность отстаивать его интересы (ибо «контракт», который хотела заключить от его имени претендентка – дикий даже для теперешних очень плохих дел. Я стараюсь исправить эти условия на более выгодные и достойные для авторов. Праздники, к сожалению, помешали закончить. Решающее свидание о Лёниной книге состоится 12 января).

Так вот, снабдите меня, пожалуйста, Вашей доверенностью и полномочием, а также попросите от моего имени и Даниила Ивановича послать мне свою доверенность вместе с Вашей, и, пожалуйста, напишите мне тут

¹ Кроме «Почты» Маршака в архиве Надежиной сохранился сделанный ею перевод «Сказки о глупом мышонке» – “About the Silly Little Mouse” by S. Marshak (Lydia Nadejina Papers. Box 5).

же. Откладывать этого дела не следует, так как я предвижу возможность быстрых и решительных шагов.

С сердечным приветом и лучшими пожеланиями к Новому Году Вам и Вашей премилой семье и в ожидании скорого ответа,

Л. Надежина¹.

Последнее из названных изданий должно было включать переводы Надежиной из Маршака, Хармса, Александра Введенского, Виталия Бианки, Корнея Чуковского и других². Кроме того, в связи с подготовкой сборника она написала своевременную статью “Children’s Books in Soviet Russia”, где совершенно справедливо отметила особенности новой детской литературы:

Since 1917 children all over Russia have been “looking for books.” And Soviet educators and teachers, the best writers of children’s stories and verse, and many of the foremost artists have been busy creating a new juvenile literature. It was only after a period of experimentation that they realized what the children needed. They found that Soviet children, like all other children, take a healthy interest in happy, not sentimental, truly dramatic stories; they want stories that deal with realities, not fantastic and remote bed-time tales. <...>

The development of this *genre littéraire* followed all the vicissitudes of the great struggle in Russia. <...>

The eager and earnest search for an adequate children’s literature finally brought about the readmission of the old classics and captivating folk tales

¹ Lydia Nadejena Papers. Box 5.

² См. попытку Хармса написать «американский рассказ» (1932), вызванную подготовкой нью-йоркской антологии:

Опасное приключение

Три или четыре мальчика стояли в канале под большим натуральным мостом в Вирджинии. Они видели сотни имён, вырезанных на известняковых подпорах, и решили присоединить свои к этому числу. Это сделало, что один из них был охвачен сумасшедшим стремлением вырезать своё имя выше, чем самое высокое там! Его товарищи пытались отговорить его от предприятия, такого опасного подвига, но ни к чему. Он дикий, опрометчивый юнец; и боясь, чтобы не подумали, что он трус, он высекает свой путь дальше и дальше (up and up) в известняковой скале, пока он может слышать голоса, но не слова объятых ужасом его товарищей по игре.

(Неизданный Д. Хармс / Сост., прим. В. Сажина. СПб., 2001. С. 271).

of Russia, whose rich yet naïve language, striking use of metaphors and imaginative qualities are now again fully appreciated in Soviet Russia. In order to broaden the mental horizon of the Soviet children and give them knowledge of the world at large and of life in foreign lands, a great many foreign classics have been published lately, by authors such as Jules Verne, <Charles> Dickens, Fenimore Cooper and others.

Especially brilliant results have been achieved in the sphere of illustrated poetry for children, as can be seen in the combined works of the poet Marshak and the artist Lebedev, or in the works of Chukovsky and Annenkov, in Charushin's animal books illustrated by the author, and in many other poetic stories, where the text illustrates the pictures, and vice versa. <...>

Soviet writers and artists have elaborated an artistic method by which the subject matter is presented with a harmony of literary style and pictorial illustration admirably adapted to the fresh, simple mentality of the young reader. The rhythm of the text, be it prose or verse, the vivid commentary of line and color combine to form a story fascinatingly direct, concise, dramatic and amusing¹.

Здесь же она определила главный принцип отбора произведений для своей американской антологии: это должна быть замечательная история для детей, в стихах или прозе, не менее замечательно оформленная, где автор и художник выступают неразрывным дуэтом. Напечатанные к этому времени в ленинградском «Еже», выходившем под редакцией С. Маршака и Николая Олейникова «ежемесячном журнале для детей», такие «вещи» Хармса, как, например, «Во-первых и во-вторых», проиллюстрированная Виктором Замирайло², или «Га-ра-рар» с рисунками Владимира Конашевича³, идеально отвечали ее целям. К тому же многие из них были выпущены как книжки и, судя по тому, что Надежина для своего перевода «Га-ра-рар» берет название отдельного издания “The Game” («Игра»), она пользовалась именно отдельными изданиями.

В конце декабря 1929 года, уже после ее отъезда из Ленинграда, Хармс записывает в список “to do”: «На 11 декабря. Послать книжки Л. А. Надежиной», – и отмечает эту строчку галочкой, что означало выполнение этого задания (ЗК. Кн. 1: 343). Отдельное издание «Игры»,

¹ Lydia Nadejena Papers. Box 5.

² Ёж. 1928. № 11. С. 16–19.

³ Ёж. 1929. № 12. С. 5–7. Хармс написал «Игру» между 7-м и 16-м октября 1929 года.

оформленное В. Конашевичем, было выпущено «Госиздатом» в начале 1930 года¹. Хармс не считал эту «вещь» строго «детским произведением», скорее «Игра» была написана вне привязанности к определенному жанру или возрастной категории², поэтому, как вспоминал литератор Исай Рахтанов, Хармс включил свое стихотворение в программу «вечера в общежитии студентов Ленинградского университета» в апреле 1930 года, оказавшегося «последним публичным выступлением обэриутов»³:

Однажды «обериуты» устроили вечер в студенческом университетском общежитии на Мытн<инск>ой, приехали туда с лозунгами «Ваша мама не наша мама» и «Мы не пироги»⁴.

На Хармсе был старомодный жилет из какой-то радужной ткани и шелковый колпак, обычно надеваемый в хороших домах на чайник, чтобы предохранить его от преждевременного остывания. Как были одеты другие «обериуты», я уже не помню...

Вечер шел шумно. Публике очень серьезной, воспитанной на уважении к здравому смыслу, стихи молодых поэтов явно не нравились, но продолжалось это до тех пор, пока поэты не начали читать то, что печатали в «Еже» и «Чиже». Здесь зал разом изменил свое отношение, всё было прощено – и дурацкие лозунги, и чайный колпак вместе с радужной жилеткой! Да и как можно было не поддаться очарованию таких, например строк Хармса:

¹ Хармс Д. Игра / Рис. В. Конашевича. М., 1930. – 12 с. – 25000 экз.

² Не случайно В. Тренин, признавая формальную «самостоятельность» этого стихотворения, отметил, что оно «строится на двух приемах: применении нерифмованного ударного хоря на всём протяжении вещи и на настойчивом повторении отдельных ритмико-синтаксических комплексов и целых фраз. Этот прием очень редок в “книжной” поэзии, но типичен для фольклора...» (Тренин В. О «смешной» поэзии // Детская литература. 1939. № 9. С. 24).

³ Последнее выступление обэриутов. Неизвестный газетный отчет / Публ., пред. и прим. А.Л. Дмитренко и Д.Ю. Шериха // de visu. 1993. № 11 (12). С. 23.

⁴ Ср.: «1 апреля на стенах Мытнинского общежития появилась афиша: “Сегодня в 8 часов вечера читают свои произведения ‘обереуты’”. Лозунги, развешенные по стенам клуба, гласили: “Мы не пироги” (почему противопоставление пирогам, а не капусте, скажем, – неизвестно <заметно влияние незадолго до того вышедшего сборника американского писателя О’Генри “Короли и капуста”. – А.У.>), “Шли ступеньки мимо кваса”, “Классицизм, как шкаф” <по свидетельству Игоря Бахтерева в нашем разговоре 1989 года, придуманный Д. Хармсом лозунг звучал “Искусство – это шкаф”. – А. У.>, “Приносите голубей – и всё”. Что такое? Что за дребедень?» (Последнее выступление обэриутов. С. 23).

Андрей Устинов

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он
– Га-ра-ра-р!..¹

Студенты, собравшиеся в тот вечер в клубе мытнинского общ<ежития>, не смущались словом «га-ра-ра-р», которым назывались эти стихи и которое было трижды повторено в тексте. Ничего, что по звучанию оно сродни знаменитому «дыр-бул-щылу» Алексея Кручёных и представляет собой заумь. Так было, если судить о нем только по форме, если же вдуматься – никакого родства с Кручёных тут не существовало. В конце концов, чем «га-ра-ра-р» хуже привычного «жу-жу-жу» или «ду-ду-ду»? Ведь всё это выражение мальчишеского восторга, радости, переполняющей тебя в детстве. Выразить ее в таком великолепном ритме сумел этот поэт, и пусть с большим запозданием, лет так на двадцать, он внешне гримируется под раннего футуриста, носит радужный жилет и розовый колпак, ясно одно – в орехе важна не скорлупа...²

Другую «вещь», которую перевела Надежина, «О том, как старушка чернила покупала» Хармс тоже начал писать как стихотворение, но решил ее в прозе. В его записной книжке № 11, следом за многочисленными отметками, связанными с подготовкой вечера «Три левых часа» в январе 1928 года, есть такой набросок:

Пошла одна старушка
старушка в платочке
по улицам по городу
чернила покупать

¹ Ср. в отчете: «В других произведениях герои или летают на метелках под облаками, или стоят на дне океана с винтовкой в руках (!)» (Последнее выступление обэриутов. С. 24). Как отмечают комментаторы, речь идет о «вещах» поэта «Полет в небеса» (1929) и «Врун» (1930), замечая, «что Хармс наряду со стихотворениями для взрослых читал и стихотворения для детей» (*Там же*. С. 24).

² *Рахманов И.А.* «Ёж» и «Чиж» // Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А.Л. Дмитренко и В.Н. Сажина. СПб., 2019. С. 260–261.

Но было очень холодно
на улице и в городе¹

Сначала эта история появилась в «Еже», в декабрьском выпуске 1928 года с рисунками Алексея Успенского², напечатанными в столбец один под другим и сконструированными как кадры киноплёнки. В следующем году «О том, как старушка чернила покупала» вышла отдельным изданием в оформлении Эдуарда Криммера³, который раньше исполнил сценографию для двух постановок Игоря Терентьева «Ревизор» и «Наталья Тарпова» в Театре Дома печати.

Эта «вещь» Хармса замечательна тем, что представляет собой литературное путешествие по «Стишкам Матушки Гусыни» (“Mother Goose Rhymes”). Здесь есть и «старушка» во всех ее многочисленных появлениях, как в “There was an old woman, and what do you think? / She liv’d upon nothing but victuals and drink...”⁴, и в “There was an old woman / And nothing she had...”⁵, и в “There was an old woman, as I’ve heard to tell, / She went to the market her eggs for to sell...”⁶, и, конечно же, в самом знаменитом из «стишков» о старушке “There was an old woman who lived in a shoe / She had so many children she didn’t know what to do...”⁷. А в названии Кособокой улицы, как на фотографии, проявляется, конечно же, «человечек кривой на мосту», который прошел «однажды кривую версту»⁸ или гулял «по скрюченной

¹ ЗК. Кн. 1: 212. Весной того же года Хармс делает пометку в записной книжке № 13:

На план Апрель, Май, Июнь, мне нужно сдать две вещи:
«Старушка и чернила».

«Рассказ о семи ежах». С Б<ожьей> П<омощью>.

21 мая начат «Дон-Пермадон». Вещь сложная для детского отдела.

(ЗК. Кн 1: 226). См. также дальнейшие упоминания рассказа «О том, как старушка чернила покупала» в его записных книжках: ЗК. Кн. 1: 279, 334, 339.

² Еже. 1928. № 12. С. 11–16.

³ Хармс Д. О том, как старушка чернила покупала / Рис. и обложка Э. Криммера. М.; Л.: ГИЗ, 1929. – 28 с. – 20000 экз.

⁴ The Annotated Mother Goose: Nursery Rhymes Old and New, Arranged and Explained by William S. Baring-Gould & Ceil Baring-Gould. New York, 1967. P. 80.

⁵ Ibid. P. 95.

⁶ Ibid. P. 159.

⁷ Ibid. P. 85.

⁸ Стихи Матушки Гусыни: Сборник / Сост. К.Н. Атаровой. М., 2002. С. 263. Перевод С. Маршака.

дорожке»¹: “There was a crooked man, and he walked a crooked mile / He found a crooked sixpence against a crooked stile...”². Наконец, в постоянных вопросах к старушке, «Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? С луны вы что ли свалились?»; Ты что, – кричит дворник, – с луны свалилась»; «Да вы что, с луны свалились?»; «Вы что, – говорит, – будто с луны свалились. Вас же задавить могут...», откликаются эхом «стишки Матушки Гусыни» о луне: “The Moon shines Bright, / The Stars give a light...”³, обязательно “High diddle, diddle, / The Cat and the Fiddle, / The cow jump’d over the Moon...”⁴, и разумеется, “The man in the moon / Came tumbling down, / And ask’d his way to Norwich...”⁵.

В то же время, “a jar of strawberries” попадает в сказку из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, конечно, с известными поправками. У Кэрролла в первой главе “Down the Rabbit-Hole” перед глазами медленно падающей Алисы проплывает банка с надписью «АПЕЛЬСИНОВЫЙ МАРМЕЛАД», которая оказывается пустой: “She took down a jar from one of the shelves as she passed: it was labelled ‘ORANGE MARMALADE’ but to her great disappointment it was empty: she did not like to drop the jar, for fear of killing somebody underneath, so managed to put it into one of the cupboards as she fell past it”⁶. У Хармса «банка с черносливами» становится «банкой с ягодами». Здесь утрачен каламбур Хармса: «чернила» / «банка с черносливами», – но и дословный перевод “a jar of prunes” тоже не подошел бы. Наверное, этот ассонанс можно было бы сохранить в варианте “a jar of blackberries” («банка с ежевикой»)⁷.

¹ Там же. С. 345. Перевод К. Чуковского.

² The Annotated Mother Goose. P. 148.

³ Ibid. P. 26.

⁴ Ibid. P. 56.

⁵ Ibid. P. 82.

⁶ Н.М. Демурова перевела надпись на «банке с вареньем» как «АПЕЛЬСИНОВОЕ» (*Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье* / Изд. подг. Н.М. Демурова. (Литературные памятники). М.: Наука, 1978. С. 12), зато В. Сирин, который старался воссоздать в «Ане в стране чудес» как можно больше российских реалий до Первой Мировой войны и своей эмиграции, передал этот пассаж следующим образом: «Она падала так плавно, что успела мимоходом достать с одной из полок банку, на которой значилось: “КЛУБНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ”. Но, к великому ее сожалению, банка оказалась пустой. Ей не хотелось бросать ее из боязни убить кого-нибудь внизу, и потому она ухитрилась поставить ее в один из открытых шкафчиков, мимо которых она падала» (*Аня в странѣ чудесъ / Anya v strane chudes. The Nabokov Russian Translation of Lewis Carroll’s Alice in Wonderland. New York: Dover Publications, Inc., 1976. P. 6–7*).

⁷ См. комментарий о приближении Хармса к «Льюису Кэрроллу», одному из его «любимых писателей» (Дневниковые записи: 501):

Однако, ни эта антология, ни другие переводческие проекты Надежной не осуществились. Ее проекты зашли в тупик, когда прогорело нью-йоркское издательством «Джонатан Кэйп», заключившее с ней контракт на перевод «Республики ШКИД» (1927) Григория Белых и Л. Пантелеева. Надежина поясняла в записке, сделанной «для памяти»:

J<onathan> Cape publ<ishing> house had an ostentatious plan & planned to publish a *volume* of S<oviet> R<ussian> L<anguage> Children’s Stories. I translated many of them for them <т. е. для издательства «Джонатан Кэйп». – А. У.>.

They were all approved both on themselves <?> & by the authors – whom I represent here & who are among my old personal friends —

The plan was short lived as the N<ew> Y<ork> branch of J<onathan> C<ape> suddenly broke down.

L N¹

С «детского» Хармса началось возвращение писателя в советскую литературу. Публикация его произведений для детей стала прерогативой «шестидесятников» – в особенности, Мая Митурича и Николая Халатова. Замечательно, что после долгого перерыва, первой опубликованной книж-

Хармс выписывает в тетрадь для стихотворений «DANIEL SHARDAM» стихи Л. Кэрролла из “Alice’s Adventures in Wonderland”¹: “1. How doth the little crocodile; 2. Father William; 3. Speak roughly to your little boy; 4. Twinkle, twinkle little bat; 5. Will you walk a little faster” (ГПБ. Ф. 1232. Ед. хр. 77) и пытается переводить четвертое стихотворение:

Зачем ты блистаешь
Летучая мышь
Зачем ты блистаешь
в вечернюю тишь
Зачем ты летаешь
как круглый поднос
Зачем ты сверкаешь... (II, 136)

Ср. также строчку: «выбежит заяц и над озером пролетит поднос» в черновиках стихотворения «Короткая молния пролетела над кучей снега» (III, 214–215).

(Дневниковые записи: 580). Это давнее наше наблюдение было опробовано в работе о принципиальном значении творчества Льюиса Кэрролла для русского авангарда: *Фиртич Н.* Льюис Кэрролл и русский алогизм // *Русский авангард 1920–1920-х годов в европейском контексте* / Отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М., 2000. С. 250–252.

¹ Lydia Nadejena Papers. Box 4.

кой Хармса стал сборник, получивший название «Игра» и выпущенный издательством «Детский мир» сначала в 1962-м, и снова в 1963 году². Вслед за этим вышли «Весёлые чижи» с иллюстрациями М. Митурича (М., 1965) и настоящий бестселлер «Что это было?» (М., 1967), включавший 26 «детских» стихотворений и бесподобно оформленный Феликсом Лемкулем, одним из выдающихся художников детской книги.

Вместе с тем переводы его произведений на английский язык по-настоящему заставили себя ждать. Таким издательским событием стал выход книги «Загадочные картинки», иллюстрированной Алисой Порет, прекрасно, даже интимно знавшей Хармса в 1930-е годы. Она также написала легкое вступление об авторе, где заодно рассказала об изобретенной им игре «Лица»:

DANIEL KHARMS (1905–1942)

Daniel Ivanovich Kharms (Yuvachov was his real name, Kharms his pen-name) wrote many stories for children and also composed many children's puzzles, often adding his own illustrations.

He invented a drawing game called Faces for two children to play. One draws separately the nose, eyes, mouth and ears of somebody they both know. If the other child guesses who it is, he or she adds arms, legs, hat or pipe, and other details. A cat or a dog can be added too.

Here is a portrait of the author: even on a fine day he liked to carry an umbrella.

ALISA PORET³

В этом издании имя переводчика не указано, и, несмотря на прекрасный портрет Хармса, иллюстрирующий его рассказ «Семь кошек»⁴, в книгу “Puzzle Pictures” не вошли ни «Игра», ни «Как старушка чернила покупала». Переводы Лидии Надежиной так и остались единственными прижизненными переложениями «вещей» Хармса на английский язык.

² См.: *Jaccard Jean-Philippe*. Daniil Harms: Bibliographie // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1985. Vol. XXVI. No. 3-4 (juil.-déc.). P. 501, et passim.

³ *Daniel Kharms*. Puzzle Pictures / Illustrations by A. Poret. M., 1980–1984. P. <2>. Как поясняется на последней странице обложки: «© Издательство „Малыш“, 1980. © Translation into English: Malysh Publishers, 1984». Страницы издания не нумерованы.

⁴ *Ibid*. P. <7>.

Литература

Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского. <Вступ. ст. и коммент. А. Устинова> // *Минувшее: Исторический альманах*. 11. Paris, 1991. С. 417–583.

Последнее выступление обэриутов. Неизвестный газетный отчет / Публ., пред. и прим. А.Л. Дмитренко и Д.Ю. Шериха // *de visu*. 1993. № 11 (12). С. 23–24.

«...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин: В 2 т. М.: Ладомир, 2000.

Похороны Фёдора Сологуба: неизвестное письмо очевидца / Публ., пред. и прим. Ж. Шерона // *Русская литература*. 2007. № 2. С. 84.

Устинов А.Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г.А. Морева. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1990. С. 125–136.

Фиртич Н. Льюис Кэрролл и русский алогизм // *Русский авангард 1920–1920-х годов в европейском контексте* / Отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М., 2000. С. 245–252.

References

“Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmsa” [“Diary entries of Daniil Kharms”], eds A. Ustinov, A. Kobrinskii. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh [Past: Historical almanac]*, issue 11 Paris, 1991: 417–583.

Firtich N. “Lewis Carroll i russkii alogizm” [“Lewis Carroll and Russian alogism”]. *Russkii avangard 1920–1920-kh godov v evropeiskom kontekste [Russian avant-garde of the 1910s-1920s in the European context]*, ed. G.F. Kovalenko. Moscow: Nauka publ., 2000: 245–252. (In Russ.)

Jaccard J.-P. “Daniil Harms: Bibliographie.” *Cahiers du Monde russe et soviétique* XXVI: 3-4 (1985): 493–522.

Kharms D. *Sluchai i veshchi [Occasions and Things]*, eds A. Dmitrenko, V. Erl'. Saint-Petersburg: Vita nova publ., 2003. (In Russ.)

Neizdannyi D. Kharms [*Unpublished D. Kharms*], ed. V. Sazhin. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt publ., 2001. (In Russ.)

“Pokhorony Fedora Sologuba: Neizvestnoe pis'mo ochevidtса” [“The funeral of Fyodor Sologub: an unknown letter from an eyewitness”], ed. J. Sharon. *Russkaia literatura* 2 (2007): 84. (In Russ.)

“Poslednee vystuplenie oberiutov. Neizvestnyi gazetnyi otchet” [“The last performance of the Oberiuts. Unknown newspaper report”]. Eds A.L. Dmitrenko, D.Iu. Sherikh, *de visu* 11 (12) (1993): 23–24. (In Russ.)

“...Sborishche druzei, ostavlennykh sud'boiu.” *A. Vvedenskii, L. Lipavskii, Ia. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: ‘chinari’ v tekstakh, dokumentakh i issledovaniakh* [“... A gathering of friends left by fate.” *A. Vvedensky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: “chinari” in texts, documents and studies*], ed. V.N. Sazhin: in 2 vols. . MoscowL Ladomir publ., 2000. (In Russ.)

Ustinov A.B. “Delo Detskogo sektora Gosizdata 1932 g. (predvaritel'naia spravka)” [“Case of the Children’s Sector of the State Publishing House, 1932 (a preliminary reference)”]. In *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g.* [*Mikhail Kuzmin and Russian culture of the twentieth century: Abstracts and proceedings of the conference, May 15-17, 1990*], ed. G.A. Morev. Leningrad: Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannim dome publ., 1990: 125–136. (In Russ.)

**«ВЕЩИ» ДАНИИЛА ХАРМСА
ДЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ АНТОЛОГИИ ЛИДИИ НАДЕЖИНОЙ**

Публикация Андрея Устинова

I.

THE GAME

By D. Harms

Petka ran along the road
along the road
along the pavement
Petka ran along the pavement
and was shouting – shouting
ga – ra – rar

I am now no more Petka
keep away
keep away
I am now no more Petka
now I am a motor car

Vaska followed after Petka
along the road
along the pavement
Vaska ran along the pavement
and was shouting
doo – doo – doo

I am now no more Vaska
step aside

Андрей Устинов

step aside

I am now no more Vaska
but a steamboat am I now

Mishka followed after Vaska
along the road
along the pavement

Mishka ran
along the pavement
and was shouting
joo – joo – joo

I am now no more Mishka
Here – look out
I am now no more Mishka
but a Soviet aeroplane.

Along the road a cow came walking
along the road
along the pavement
A cow came walking along the pavement
and was mooing
moo – moo – moo

A real moo cow
with pointed horns
came along the road
Came a cow along the pavement
blocking all the way

Hey! you cow
hey! you cow
don't you walk here
hey, you cow
don't you walk along the pavement
don't you walk along the road

Here! look out! shouted Mishka
Step aside, you, shouted Vaska
Move away you – shouted Petka
and the cow moved away

Rushing over
rushing over
to the bench
at the gate
came the steamer
came the motor
and the Soviet aeroplane
Came the steamboat
And the motor
And the Soviet aeroplane.

Petka jumped upon the bench
Vaska jumped upon the bench
Mishka jumped upon the bench
at the gate
upon the bench

I've arrived – shouted Petka
I threw anchor – shouted Vaska
I have landed – shouted Mishka
and they stopped to take a rest.

So they sat
for just a minute
on the bench
at the gate
the motor car
the steamboat
and the Soviet aeroplane
the motor car

Андрей Устинов

the steamboat
the Soviet aeroplane

Shoot ahead – shouted Petka
All aboard – answered Vaska
Let’s fly – shouted Mishka
off they went again

And off they went
and off they dashed
along the road
along the pavement
jumping dashing
wildly shouting
joo – joo – joo

Jumping dashing
loudly shouting
over sidewalk
heels but flashing
loudly shouting
doo – doo – doo

Open sidewalk
heels but flashing
in the air
Their hats go smashing
along the road
along the pavement
loudly shouting
ga – ra <- rar>

II.

HOW THE OLD WOMAN WAS BUYING INK¹

By D. Harms

Transl<ated> by Lydia Nadejena²

On Crooked Street in No. 17 there lived an old woman. At one time she lived there with her husband and her young son. But her son grew up and went away, while her husband died; so that the old woman was left all alone.

She lived peacefully and quietly, drinking tea and writing letters to her son; and that was all the old woman did.

People used to say that the old woman must have dropped from the moon.

She would come out of the house, in the middle of the summer and looking around would exclaim: “My, my, what happened to all the snow?”

And her neighbors would laugh and answer: “Who ever heard of such a thing, that one should be asking for snow in the middle of the summer. Have you just come down from the moon, Grandma?”

Or at another time she would go to the kerosene shop and ask: “How much are the French rolls?”

And the clerks would laugh and say, “What is the matter with you, little lady? How should we have here French rolls? Have you just dropped down from the moon?”

That’s the kind of an old woman she was.

There was one lovely summer day with not a cloud in the sky. And because of the dryness a great dust rose on Crooked Street. And all the porters came out with rubber pipes to sprinkle the dusty street. And they poured the water straight into the dust in the air, on the fly. And the dust and the water came down together on earth. Already the horses are running through puddles and the wind is flying empty without any dust.

Out of the gates at No. 17 came the little old woman. In her hands an umbrella with a big shiny handle and on her head a hat with a black buckle. “Tell me, she says to the porter, “where can I buy some ink?”

“What?” shouts the porter.

¹ Все сравнения даются по публикации этой «вещи» Д. Хармса в журнале «Ёж»; далее везде – Хармс с указанием страницы первой публикации.

² Вписано от руки; см.: Lydia Nadejena Papers. Box 5.

The old woman comes nearer, “Ink,” she shouts.

“Get on a side,” shouts back the porter letting go a stream of water.

The little old woman goes to the left and the water comes left.

She quickly runs to the right but the water follows right after.

“What is the matter with you,” the porter yells, “have you just come down from the moon, can’t you see I am washing the street?”

But the old lady just motioned with her umbrella and went on.

After a while she came to the market. There she saw a young man selling a big and juicy fish – a big fish – as long as your hand and as thick as your leg. The man threw it up in the air, caught it by its nose, swung it right and left, let it go but didn’t drop it – caught it by the tail and brought it over to the old woman.

“Here you are,” he says, “you can have it for a ruble.”

“No,” says the old lady, “Ink is what

But the young man would not even let her finish.

“Take it,” he insists, “it’s cheap.”

“No,” says the old lady, “Ink is what

“Buy it,” he says again, “this fish weighs at least five and a half pounds.” And to make believe he was tired, changed it into the other hand.

“No,” says the old lady, “I want ink.”

At last the young man realized what the old woman was saying,

“Ink?” he asked.

“Yes, Ink.”

“Ink?”

“Ink.”

“And you don’t need any fish?”

“No.”

“Well, what is the matter with you, have you just come down from the moon?”

“I see you don’t have any ink,” said the old woman and went on further.

“Some nice meat for roasting,” yelled a fat butcher to her while cutting away with a knife.¹

“Have you any ink?” asked the old woman.

“Ink,” roared the butcher while dragging by the leg a great big porker.²

“Right here, right here,” shouted a peddler.

¹ У Хармса: «– Мясa парного пожалуйста, – кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает» (Хармс, 12).

² Далее пропущен абзац: «Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый...» (Хармс, 12).

The old woman came over to the stand and put on her glasses. The peddler smilingly handed her a jar of strawberries.”

“Take them,” he says, “you can’t find any like those.”

The old woman took the jar with the berries,¹ looked it over and put it back.

“I need ink and not berries,” she said.

“What kind of ink, red or black?” asked the peddler.

“Black,” said the old woman.

“I haven’t any black,” said the peddler.

“Well, then, give me red,” said the old lady.

“I haven’t any red either,” said the peddler.

“Good-bye,” said the old lady and went on.

Finally the market ended and still there is no ink to be seen.

So the old lady left the market and walked along the street.

Suddenly she sees, walking slowly, one behind the other, fifteen donkeys.

On the front donkey there is a man riding and in his hands a great big sign.² On the other donkeys also, people riding and also holding signs in their hands.

“What can *that* be?” wondered the old woman, “can it be that people now ride on donkeys just as they used to ride on trolley cars?” – “Hey,” she shouted to one riding in the front, “wait a minute. Tell me, where do they sell ink?”

The man on the donkey evidently did not hear her for without answering he lifted some sort of a pipe to his mouth, and shouted right into her face, but so loudly that you could hear him for seven viersts.³

“Hurry and see the Circus...”

“At the circus... At the circus...”

“Sea lions... The people’s pets...”

“Final week.....”

“Tickets at the door.”⁴

¹ В переводе Надежиной «банка с черносливами» становится «банкой с ягодами».

² У Хармса «и держит в руках большущее знамя» (*Хармс*, 13).

³ Скопанный перевод концовки абзаца в сказке Хармса: «...а поднял какую-то трубу, с одного конца – узкую, а с другого широкую – раструбом. Узкий конец поставил ко рту, да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь вёрст услышать можно» (*Хармс*, 13).

⁴ У Хармса этот анонс выстроен в стихотворном порядке:

Спешите увидеть гастролы Дурова
В госцирке, госцирке.
Морские львы – любимцы публики.
Последняя неделя.
Билеты при входе!

(*Хармс*, 13).

The old woman was so scared she even dropped her umbrella. She tried to pick it up but her hands were so trembling from fear that she dropped it again. The old woman picked it up again and holding on to it tightly, walked away as quickly as she could until she finally came out on a very wide and very noisy street.¹

¹ См. в оригинале: «Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью широкую и очень шумную» (*Хармс*, 13). Ср. в «Га-ра-ра!» Д. Хармса год спустя:

Бегал Петька по дороге,
по дороге, по панели,
бегал Петька по панели
и кричал он:
Га-ра-ра!
<...>

А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька по панели
и кричал он:
Ду-ду-ду!
<...>

А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
Жу-жу-жу!
<...>

Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова по панели
И мычала:
– Му-му-му!
<...>

И поехали машины
по дороге,
по панели,
только пятками сверкали
и кричали:
Жу-жу-жу!
Только пятками сверкали
по дороге,

All around her people were hurrying back and forth. In the street automobiles were rushing and trolley cars roaring.

The old woman started crossing the street when suddenly “tarar... ararar... arar... arrr!” An automobile came shooting by.

The old woman let him go by and started again when “Hey, lookout,” a cab driver shouted.

She let him go by too, and then quickly ran. She barely got to the middle when, “din...din..! din....din....din..!” A trolley came flying.

The old woman tried to turn back but here in the rear, “toot...toot...toot...toot..!” a motorcycle tooted.²

The old woman became altogether scared. Fortunately a good man came along, grabbed her by the hand and said:

“What is the matter with you, have you just dropped down from the moon? You’ll get run over here.” And he dragged the old woman across the street.

The old woman just caught her breath and turned to the good man to thank him, and also to ask him about the ink, but he had already disappeared.

So the little old woman walked on further, leaning on her umbrella and looking around... “Where could she get some ink”... When she saw walking toward her a little old man with a stick: very old and very grey.

The old woman walked over to him and said, “You look to me like a man who has seen many things. Do you know where I can buy some ink?”

по панели,
только ручками махали
и кричали:
Ду-ду-ду!
Только ручками махали
на дороге,
на панели,
только шапками кидали
и кричали:
Га-ра-ра-ра!

(Хармс Д. Га-ра-ра-ра! // Ёж. 1929. № 12. С. 5–7).

¹ Передача хармсовской ономагии: «Тарар-арарар-арар-rrrrr!» (Хармс, 13).

² Еще случаи ономагии:

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут

«Джен-джен! динь-динь-динь!»

Старушка было назад, а сзади:

«Пыр-пыр-пыр-пыр!» – мотоциклет трещит.

(Хармс, 14).

The old man stopped, raised his head. The wrinkles on his forehead moved up and down and <he> became lost in thought. After a while he put his hand in his pocket, took out a package of tobacco, some paper, and a mouthpiece. Slowly he rolled a cigarette, stuck it into the mouthpiece, put away his tobacco, and paper, and brought out some matches. He lit his cigarette, put his matches away and then opened his toothless mouth and muttered: “Ink is shold in a shtore.”¹

The little old woman didn’t understand a word and the old man walked on further.

The woman became worried. “Why couldn’t anyone give <me> any sensible answer about the ink, – Haven’t they ever heard of any?”

So the old woman decided to walk right into a store and ask for some ink. They surely would know.

And right there was a store, with great big windows as big as a wall. And inside the windows were many books.

“Here is where I’ll go in,” thought the old woman. “Here surely they must have ink, for they have books here. Don’t they write books with ink?”

She walked over to the door, and the doors were glass ones and very peculiar. The old woman pushed it... something pushed her from the rear... another glass door sliding right on top of her. She moved ahead and the glass door follow<ed> right behind. Round and round she went until her head began to turn.²

Finally she freed herself, thankful that she even came out alive.³

The old woman looked around – right in front of her was a great big clock and a stairway leading up. At the foot of the stairway a man was standing.⁴ The old woman walked over to him, and asked: “Where can I find out about ink?”

The man didn’t even turn his head toward her but pointed to a little screen door.⁵

¹ Ср. в оригинале: «Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкал беззубым ртом: – Шешише пошаюцца в макашише» (*Хармс*, 14).

² Неожиданная конъектура динамичного фрагмента истории Хармса: «Подожла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а ее самое что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит, – на нее другая стеклянная дверь едет. Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное, и всё кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают» (*Хармс*, 14).

³ Усечение авторского лирического повествования с пропуском повтора в анафоре: «Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилиу высвободилась, хорошо еще что жива осталась» (*Хармс*, 14).

⁴ У Хармса: «Около часов (курсив мой. – А. У.) стоит человек» (*Хармс*, 15).

⁵ Упрощенная передача оригинала: «...показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую» (*Хармс*, 15).

The old woman opened the door and walked into a little tiny room no bigger than a closet. In the little room a man was standing. She had just wanted to ask him about the ink, when suddenly: “Dink... Ding...” the floor began to rise.¹

There she stood not daring to move, her heart filled with a heavy load, and almost unable to breathe. Through the door she could see heads and feet and hands: and all around her a noise and like a sewing machine. Finally the noise stopped, and she was able to breathe again. Someone opened the door and said, “Out, please. Sixth floor.”

The little <old> woman as if in a dream stepped out. The door shut behind her and the little closet-room went down again.

There stood the old lady, her umbrella in her hands, hardly able to catch her breath. She was standing on a staircase, people were walking all around her, slamming doors, while she just stood holding on to her umbrella.

So she stood for a while looking around at what was going on and finally walked through some door.

A fine large room full of little tables. At the tables people, some with their noses over papers, others writing on typewriters, and the noise in the room was like that of a blacksmith shop only a miniature one.²

On the right at the wall on a sofa, two men were sitting: – one a fat one, the other a thin one, and the fat one was telling something to the thin one while gleefully rubbing his hands. The thin one all bent over, was looking at the fat one through glasses in very light frames, and was tying his shoe laces.³

“Yes,” the fat one was saying, “I have just written a story about a boy who swallowed a frog. A very interesting story!”⁴

“And I can’t think of a thing to write,” replied the thin one while sticking the shoe lace through the hole.

¹ В оригинале предложено более изысканное звукоподобие: «Вдруг – „дзинь-джжжжжжжж“, – и начал пол вверх подниматься» (Хармс, 15).

² В печатном тексте нет «миниатюрной кузницы», что подтверждает предположение, что Надежина переводила с рукописи Хармса. В печатном виде этот фрагмент выглядит вот так: «Попала старушка в большую, светлую комнату. Смотрит: стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни стучат на пишущих машинках, а другие, уткнув носы в бумагу, – пишут» (Хармс, 15).

³ Здесь снята абсурдистская подробность: «...а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам *на сапогах шнурки завязывает* (курсив мой. – А. У.)» (Хармс, 15).

⁴ Вновь расхождение с печатной версией. В «Еже»: «– Да, – говорит толстый, – написал я рассказ о мальнике, который лягушку проглотил», – и никакого добавления о том, что у толстого человека «очень интересный рассказ» (Хармс, 15).

“And my story is very interesting,” continued the <fat> one. “You see, the boy came home and his father asks him where he was and the frog right out of his belly answers “kwa...kwa.” Or in school the teacher would ask, “How do you say ‘good-morning’ in German?” And the frog would answer, “kwa...kwa.” The teacher would curse and the frog answer<s> “kwa...kwa...kwa...” “A funny story,” said the fat one, rubbing his hands.

“Did you write something too?” he asked the old woman.

“No,” answered the old woman, “my ink is all gone. I did have a bottle...¹ my son left it to me, but now it’s all gone.”

“Why, is your son also a writer,” asked the fat one.

“No,” answered the old woman, “He is a forester, but he does not live here. At first I used to get ink from my husband, but now my husband is dead and I am left all alone. Can’t I buy some ink from you?” the old woman said suddenly.

The thin one finished tying his shoe and stared at the old woman through his glasses.

“How do you mean, ink?” he wondered.

“Ink that you write with,” explained the old lady.

“But they don’t sell ink here,” said the fat one and stopped rubbing his hands.

“How did you get here?” asked the thin one getting up from the couch.

“I came in the closet,” answered the old woman.

“In what closet?” asked the fat one and the thin one in one voice.

“In that one, the one that goes riding up and down the stairway,” explained the old woman.

“Oh, in the lift,” laughed the thin one, sitting down again on the couch, for his other shoe now came loose.

“And why did you come here” asked the fat one.

“I could not find any ink anywhere,” replied the old woman. “I asked everyone but no one knew. I saw books here so I came in. Books are written with ink, aren’t they?”

“Ha...ha...ha...” roared the fat one, “You must have just dropped right from the moon.”

“Hey, listen,” the thin one suddenly jumped up from the couch. He hadn’t tied his shoe yet and the shoe laces were dragging all over the floor.

¹ У Хармса здесь не «бутылка», а «баночка» отзывается «банкой чернослива» выше по ходу рассказа.

² Прекрасный перевод, создающий абсурдистское поле предложения Хармса в английской версии: «В шкапу приехала» (*Хармс*, 16).

“Listen,” he said to the fat one, “I am going to write about the old woman who was buying ink.”

“Fine,” answered the fat one rubbing his hands.

The thin one took off his glasses, breathed on them, wiped them with his handkerchief, put them on again on his nose and said to the old lady:¹

“You tell me how you were trying to buy some ink and we’ll write a book about you and will give you some ink too.”

The old woman thought for a minute and agreed.

That’s how the thin one wrote the book:

“HOW THE OLD WOMAN WAS BUYING INK.”²

Дата поступления в редакцию: 18.06.2022

Received: 18.06.2022

Дата публикации: 15.12.2022

Published: 15.12.2022

¹ Здесь явное наслоение замедляющих подробностей по сравнению с динамичной лаконичностью оригинала: «Тонкий человек снял свои очки, протер их, одел опять на нос и сказал старушке...» (*Хармс*, 16).

² Ср. концовку Хармса:

И вот тонкий человек написал рассказ:

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.

Это и есть тот рассказ, который ты сейчас прочел.

Д. Хармс.

(*Хармс*, 16). Примечательно, что на следующей странице этого номера «Ежа» была напечатана рекламная заметка Л. Пантелеева «Цирк. 100 львов в Ленинграде» (Еж. 1928. № 12. С. 17).